

скаго; второй—эпоху междоусобицъ. Сообразно съ этимъ, онъ и сочиненіе свое дѣлитъ на двѣ части. Въ первой части дается обзоръ событій перваго періода, который онъ называетъ періодомъ „охранительной политики со стороны духовенства по отношенію къ законной власти на престолѣ“. Часть эта въ свою очередь подраздѣляется на три главы. Въ первой главѣ разсматривается ходъ событій въ царствованіе Годуновыхъ до воцаренія перваго самозванца. Центромъ вниманія въ этой главѣ является личность патріарха Іова. Анализируя его дѣятельность, авторъ не раздѣляетъ отрицательной точки зрѣнія на этого святителя, установленной Карамзинымъ и подкрѣпленной Костомаровымъ; онъ ближе склоняется къ точкѣ зрѣнія церковнаго историка преосв. Макарія. Несомнѣнно, что при объективномъ отношеніи къ историческимъ даннымъ эта точка зрѣнія представляется болѣе соотвѣтствующей дѣйствительности. Жаль, что авторъ не вдумался глубже въ политическое настроеніе общества въ данное время; это помогло бы ему отчетливѣе освѣтить характеръ дѣятельности патріарха Іова и яснѣе представить себѣ характерныя черты его нравственной личности.—Вторая глава посвящена обзору событій при самозванцѣ. Здѣсь, по совершенно понятной причинѣ, главное вниманіе сосредоточивается на уясненіи отношенія самозванца къ православію и на поведеніи его „потаковника“ патріарха грека Игнатія съ одной стороны и русскаго духовенства съ другой. Не выходя за предѣлы раньше намѣченныхъ въ наукѣ вопросовъ, авторъ старается разобраться въ высказанныхъ при ихъ рѣшеніи отдѣльныхъ научныхъ мнѣніяхъ. Сущность его точки зрѣнія можно передать такъ. Индифферентный въ вопросахъ вѣры, самозванецъ выхода изъ того затруднительнаго положенія, въ какое онъ поставленъ былъ принятіемъ католицизма и рѣшеніемъ жениться на католичкѣ, искалъ въ разныхъ компромиссахъ, въ чемъ ревностнымъ пособникомъ его былъ патріархъ Игнатій, при явномъ несочувствіи въ нѣкоторыхъ случаяхъ русскаго духовенства, подчинившагося волѣ народа въ актѣ

Журналы.

признанія самозванца государемъ, но не желавшаго подчиниться самозванцу въ случаяхъ отступленія его отъ установившихся нормъ Церкви. Такимъ освѣщеніемъ фактовъ авторъ старается подчеркнуть ту мысль, что современное русское духовенство въ лицѣ своихъ архипастырей вопросовъ политики не смѣшивало съ вопросами вѣры. Въ низложеніи патріарха Іова и въ поставленіи Игнатія авторъ видитъ насиліе надъ свободою Церкви и поэтому признаетъ оба эти акта канонически незаконными не съ формальной стороны, а по существу; напротивъ, въ низложеніи Игнатія послѣ смерти самозванца соборомъ архіереевъ онъ видитъ актъ свободного проявленія голоса Церкви и поэтому признаетъ его канонически правильнымъ. Если выходить изъ понятія о существѣ Церкви, то эту точку зрѣнія слѣдуетъ признать единственно правильною, и оспаривать ее можно только съ формально-канонической точки зрѣнія. Въ третьей главѣ идетъ рѣчь объ отношеніи виднѣйшихъ выразителей церковнаго сознанія къ политическимъ вопросамъ въ царствованіе Вас. Шуйскаго. Излагая сжато ходъ событій за это время, которое должно быть признано важнымъ моментомъ въ дѣлѣ расширенія и углубленія смуты, авторъ особенно внимательно останавливается на поведеніи высшихъ іерарховъ и особенно патріарха Гермогена и митр. Филарета Никитича, на дѣятельности монастырей и на челѣ ихъ Троицко-Сергіевой Лавры, на значеніи такихъ событій, какъ перенесеніе мощей царевича Димитрія изъ Углича въ Москву и обрядъ всенароднаго прощенія и разрѣшенія патріархомъ Іовомъ народа отъ клятвеннаго преступленія и т. д. Слѣдя за дѣятельностію отдѣльных лицъ и цѣлыхъ учреждений, авторъ отбѣняетъ ту мысль, что уже въ это время Церковь старается проводить въ сознаніе церковнаго общества мысль о всеобщей грѣховности, о необходимости всенароднаго покаянія и объединенія всѣхъ около представителя законной власти, какимъ въ данное время былъ Шуйскій.

Во второй части, которая дѣлится на четыре главы, изображается положеніе дѣлъ во время междоусобицъ. Основная мысль этой части труда о. Иванова такова. Съ низложеніемъ Шуйскаго сознаніе государственнаго единства подъ напоромъ расходившихся политическихъ страстей исчезло; сепаратизмъ стремленій отдѣльныхъ составныхъ частей государственнаго организма привелъ его къ полному разложенію, а вмѣстѣ съ тѣмъ все глубже и глубже стала сознаваться потребность въ новомъ началѣ, безъ котораго спасеніе государства казалось невозможнымъ. Такое начало и указано было въ основномъ законѣ церковной жизни, именно въ нравственномъ единеніи всѣхъ по закону любви въ вѣрѣ во Христа. Истолкователемъ и проводникомъ въ жизнь этого начала явился прежде всего „начальный человѣкъ“ земли патр. Гермогенъ, а послѣ его смерти Троицко-Сергіева Лавра. Подъ воздѣйствіемъ этого начала вражда и рознь мало по малу стали уступать единенію всѣхъ и государство было спасено. Продолжая слѣдить за ходомъ событій, авторъ въ IV гл. останавливается на условіяхъ избранія королевича Владислава на царство, на отправленіи посольства подъ Смоленскъ и поведеніи его тамъ, на разочарованіи народа въ кандидатурѣ королевича и на движеніи къ Москвѣ народнаго ополченія подъ начальствомъ Ляпунова. Центральная роль во всѣхъ этихъ событіяхъ принадлежала, конечно, патр. Гермогену въ Москвѣ и митр. Филарету подъ Смоленскомъ. Смерть Ляпунова и разстройство народнаго ополченія отнимали, казалось, у государства послѣднюю надежду на спасеніе (гл. V). Но въ эту-то критическую минуту особенно замѣтно стала давать о себѣ знать новая сила, которая дала ходу событіямъ новое направленіе. Рѣчь идетъ о послышавшемся со всѣхъ сторонъ призывѣ къ всенародному покаянію, выразившемся въ рядѣ видѣній. Въ настоящее время наукѣ извѣстенъ цѣлый рядъ сказаній о видѣніяхъ; таковы видѣнія Варлаама въ Великомъ Новгородѣ, Григорія и Козьмы Личнина въ Нижнемъ Новгородѣ, Меланьи во Владимірѣ, Ар-

сенія Елассонскаго въ Москвѣ. Весьма возможно, что существовали и другія сказанія, неотмѣченныя современною письменностью. Видѣнія эти представляютъ замѣчательное явленіе въ исторіи народной психологіи. Сказанія о видѣніяхъ, содержа въ себѣ всенародный призывъ къ покаянію, съ одной стороны, даютъ намъ картину нравственнаго упадка общества въ данное время, съ другой стороны, выдвигаютъ тотъ идеаль, во имя котораго народъ призывался къ нравственному самоочищенію. Вотъ почему въ сказаніяхъ о видѣніяхъ особенно отчетливо выразилась многовѣковая работа Церкви, какъ нравственно-воспитательнаго института. Любопытно то, что въ этихъ сказаніяхъ, кромѣ сказанія грека епископа Арсенія, которое должно разсматриваться отдѣльно, лицами, удостоившимися видѣнія, являются не члены церковной іерархіи, не представители монашества, а простые міряне, т. е. рядовые члены Церкви. Это показываетъ, что движеніе къ нравственному самоочищенію, начавшееся въ верхнихъ слояхъ церковнаго организма, теперь стало принимать общій характеръ, все глубже и глубже проникая въ его нѣдра. Сказанія о видѣніяхъ давно извѣстны наукѣ, которая въ той или другой степени старалась использовать ихъ содержаніе. Но спеціальнаго изслѣдованія ихъ, какъ особаго рода памятниковъ народной литературы, у насъ не было, и нашему автору представлялся случай воспользоваться этимъ обстоятельствомъ для усиленія научной цѣнности своего труда. Къ сожалѣнію о. Ивановъ и здѣсь не вышелъ за предѣлы обычной посредственности и отнесся къ вопросу совершенно шаблонно. Онъ не только не далъ намъ широкаго, всесторонняго анализа ихъ содержанія, не только не выдвинулъ вопроса объ ихъ происхожденіи, но даже не сдѣлалъ ихъ полного перечня. Характерное, напримѣръ, по содержанію сказаніе о видѣніи Варлаама въ Великомъ Новгородѣ даже совершенно ускользнуло отъ его вниманія. То же слѣдуетъ сказать о видѣніи грека Арсенія, которое весьма любопытно было бы сопоставить съ

видѣніями, появившимися въ русской народной средѣ.—Конецъ этой главы посвященъ вопросу о послѣдней грамотѣ патріарха Гермогена и его общей характеристикѣ; а въ заключеніи сообщаются краткія свѣдѣнія о судьбѣ Игнатія послѣ его низложенія.—Глава VI посвящена обзору событій, начинающихся движеніемъ въ Нижнемъ Новгородѣ и оканчивающихся избраніемъ на престолъ Михаила Феодоровича Романова. Слѣдую обычной своей системѣ сжатаго изложенія вышнихъ фактовъ, авторъ болѣе внимательно останавливается на явленіяхъ, болѣе или менѣе прямо относящихся къ его основной задачѣ. Въ виду того, что движеніе нижегородскаго ополченія во главѣ съ Пожарскимъ и Мининымъ обыкновенно ставится въ причинную связь съ Троицкими грамотами, авторъ начинаетъ главу обзоромъ дѣятельности Троицко-Сергіевой Лавры, руководимой арх. Діонисіемъ и келаремъ Аврааміемъ Палицынымъ, съ момента Московскаго пожара, вызвавшего филантропическую дѣятельность этой обители, разбираетъ вопросъ объ отношеніи Лавры къ казачеству, останавливается на спорномъ вопросѣ о дѣйствительныхъ причинахъ, вызвавшихъ патріотическое движеніе въ Нижнемъ Новгородѣ, и затѣмъ отмѣчаетъ извѣстные факты участія духовенства въ этомъ великомъ патріотическомъ движеніи вплоть до избранія новаго царя. Въ послѣдней, VII главѣ дѣлается сжатый выводъ изъ всего изслѣдованія, основная мысль котораго самимъ авторомъ заключена въ слѣдующемъ положеніи: „Церковь въ эпоху смутнаго времени на Руси спасла государство, проявивши свое основное жизненное начало—свободное внутреннее единеніе по вѣрѣ въ любви по закону Христову“. Чтеніе этой главы производитъ пріятное впечатлѣніе. Въ концѣ книги приложено *заключеніе*, въ которомъ проводится аналогія между Русью, какъ она показала себя въ послѣдній моментъ своей великой смуты, и нѣкоторыми аналогичными явленіями западно-европейской жизни. Это сопоставленіе, при болѣе серьезномъ отношеніи къ вопросу, могло бы привести къ интереснымъ выводамъ. Но разрѣше-

ніе такого сложнаго вопроса на двухъ четвертушкахъ, да еще, въ добавокъ, съ чужихъ словъ, конечно, не могло оказаться удачнымъ.

Послѣ сдѣланнаго обзора труда Иванова можно поставить вопросъ и о его научной цѣнности. Въ русской исторической наукѣ давно отмѣчены заслуги Церкви въ дѣлѣ умиротворенія великой московской смуты конца XVI и начала XVII стол.: но роль Церкви въ этомъ случаѣ понималась довольно поверхностно, такъ что, когда поднимался вопросъ о томъ, что же въ концѣ концовъ спасло государство отъ его полнаго разоренія, то Церковь при этомъ нерѣдко совершенно забывалась. Мало того, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда и выдвигались заслуги Церкви, обыкновенно говорилось о дѣятельности отдѣльных лицъ церковной іерархіи, о заслугахъ монастырей, о глубокой религіозности русскаго народа, о вѣрности его православію и т. д.; но при этомъ обыкновенно забывалось самое жизненное начало Церкви, какъ общественной организаціи, безъ котораго Церковь, какъ таковая, невозможна, и надъ привитіемъ котораго къ жизни Церковь трудилась въ теченіе цѣлаго ряда вѣковъ. Разрушительныя стихіи, разложившія въ смутное время государственное начало, не смогли разрушить начала церковнаго. Правда, упадокъ въ обществѣ нравственности, явившійся слѣдствіемъ вражды борющихся стихій, временно ослабилъ силу Церкви, какъ института нравственнаго; но у Церкви противъ этого недуга оказалось свое внутреннее средство, дѣйствія котораго не могли парализовать ни поляки, ни шведы, ни казацкая вольница, ни самозванцы, выросавшіе въ послѣднее время какъ грибы послѣ теплаго дождика. Этимъ средствомъ было всенародное церковное покаяніе, которое съ такою силою заговорило въ сказаніяхъ о видѣніяхъ. Благодаря этому средству, которымъ государство располагать не могло, Церкви могла овладѣть совѣстью личности и создать въ народѣ то внутреннее единство, котораго недоставало государству. Вотъ эта-то идея, исполнѣнная и послѣдовательно проведенная въ трудѣ

о. Иванова, составляет его несомненную научную ценность. Но, будучи ценным со стороны своей основной задачи, сочинение о. Иванова не блещет особыми достоинствами со стороны его практического осуществления. Автор достаточно осведомлен в источниках и литературе предмета, по крайней мере, он знаком со всеми классическими трудами о смутном времени, он вполне владеет научным приемом, отличается большою добросовестностью; но ему не хватает той силы мысли и вдумчивости, которыми характеризуется дарование, и без которых справиться с такою тонкою и сложною задачею очень трудно. Впрочем, и в настоящем своем виде сочинение о. Иванова не может быть совершенно лишним в науке и может быть признано достаточным для присуждения автору магистерской степени“.

Справка: 1. Означенные отзывы о сочинении священника О. Иванова заслушаны были в собрании Совета 9 сего сентября, окончательное суждение о сочинении отложено было до следующего собрания Совета и состоялось 19 сентября. Большинство присутствовавших в этом собрании членов Совета высказалось за признание поименованного сочинения удовлетворительным для магистерской степени и за допущение автора его к защите своего сочинения на коллоквиум.

2. §§ 136, 87 уст. дух. акад. и указъ Св. Синода отъ 22 февраля 1906 года за № 2234.

Постановили: Сочинение кандидата богословия священника Θεодосія Иванова, подъ заглавіемъ: „Церковь въ эпоху смутнаго времени на Руси“ (Екатеринославъ, 1906), согласно съ представленными о немъ отзывами, признать удовлетворительнымъ для степени магистра богословія и допустить автора его къ защитѣ своего сочиненія на коллоквиумѣ, назначивъ офіціальными оппонентами при защитѣ заслуженнаго ординарнаго профессора В. Малинина и ординарнаго профессора

В. Завитневича, время же самаго colloquiuma предоставить назначить Пресвященному Ректору академіи.

На семь журналъ его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Киевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція за № 5483: „25 окт. 1908 г. Читаль“.

1908 года 19 сентября.

Въ собраніи Совѣта Киевской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Θεодосія, присутствовали: инспекторъ профессоръ В. Рыбинскій, штатные и сверхштатные профессора, доценты и и. д. доцентовъ академіи, кромѣ профессоровъ: Н. Дроздова, С. Голубева, В. Малинина, Н. Маккавейскаго, Н. Мухина и Θ. Мищенко, не бывшихъ по причинѣ болѣзни.

Слушали: Colloquiumъ, на которомъ, подъ предсѣдательствомъ Его Высокопреосвященства, Высокопреосвященнѣйшаго Флавіана, Митрополита Киевскаго и Галицкаго, въ присутствіи членовъ Совѣта и другихъ служащихъ при академіи лицъ, а также постороннихъ лицъ, приглашенныхъ Совѣтомъ академіи, на основаніи 136 § уст. дух. акад.,—начальниковъ и наставниковъ духовно-учебныхъ заведеній, настоятелей и священниковъ Киевскихъ городскихъ церквей и нѣкоторыхъ любителей духовнаго просвѣщенія, инспекторъ классовъ Тифлискаго епархіальнаго женскаго училища протоіерей Корнилій Кекелидзе защищалъ представленное имъ на соисканіе степени магистра богословія сочиненіе подъ заглавіемъ: „Литургическіе грузинскіе памятники въ отечественныхъ книгохранилищахъ и ихъ научное значеніе“ (Тифлисъ, 1908). Официальными оппонентами при защитѣ были: экстраординарный профессоръ священникъ А. Глаголевъ и доцентъ

священникъ Н. Гроссу. Послѣ рѣчи магистранта, содержавшей поясненіе предмета и задачи его труда, слѣдовали возраженія со стороны официальныхъ оппонентовъ и неофициально возражавшаго и. д. доцента В. Прилуцкаго, на которыя магистрантомъ даны были надлежащіе отвѣты или объясненія. Состоявшуюся защиту магистрантомъ своего сочиненія Совѣтъ академіи призналъ удовлетворительною, а магистранта заслуживающимъ степени магистра богословія.

Справка: 1. По 136 § уст. дух. акад., кандидаты удостоиваются степени магистра богословія не иначе, какъ по напечатаніи сочиненія и удовлетворительномъ защищеніи его въ присутствіи Совѣта и приглашенныхъ Совѣтомъ стороннихъ лицъ (коллоквиумъ).

2. По 4 п. временныхъ правилъ для духовныхъ академій, 1906 г., Совѣту академіи предоставлено окончательное утвержденіе въ ученыхъ академическихъ степеняхъ.

3. Указомъ Святѣйшаго Синода, отъ 23 сентября 1906 года за № 10252, требуется, чтобы Совѣты духовныхъ академій доносили чрезъ мѣстныхъ Преосвященныхъ о всѣхъ удостоиваемыхъ ими высшихъ ученыхъ богословскихъ степеней лицахъ Святѣйшему Синоду, съ представленіемъ требующихся, по опредѣленію Святѣйшаго Синода, отъ 19--30 апрѣля 1900 года за № 1557, 10 экземпляровъ магистерскихъ и докторскихъ диссертаций.

Постановили: Инспектора классовъ Тифлискаго епархіальнаго женскаго училища протоіерея Корнилія Кекелидзе удостоить степени магистра богословія и выдать ему дипломъ на эту степень. Объ удостоеніи прот. Кекелидзе ученой степени магистра богословія въ установленномъ порядкѣ довести Святѣйшему Синоду.

На семъ журналѣ Его Высокопреосвященствомъ, Митрополитомъ Кіевскимъ Флавіаномъ, положена резолюція за № 5484: „25 октября 1908 г. Читалъ“

1908 года 19 сентября.

Въ собраніи Совѣта Кіевской духовной академіи, подъ предсѣдательствомъ Ректора ея, Епископа Θεодосія, присутствовали: инспекторъ профессоръ В. Рыбинскій, штатные и сверхштатные профессора, доценты и и. д. доцентовъ академіи, кромѣ профессоровъ: Н. Дроздова, С. Голубева, В. Малинина, Н. Маккавейскаго, Н. Мухина и Θ. Мищенко, не бывшихъ по причинѣ болѣзни.

Слушали: 1. Отзывъ инспектора академіи экстраординарнаго профессора В. Рыбинскаго о сочиненіяхъ экстраординарнаго профессора священника А. Глаголева подъ заглавіемъ: „Комментарій на книги Левитъ, Руоѣ, 3 и 4 Царствъ, 2 Паралипоменовъ, Товита и Притчей“, представленныхъ на соисканіе 1 юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія, учрежденной при Кіевской академіи:

„Э. о. профессоромъ академіи свящ. А. А. Глаголевымъ для соисканія Макарьевской преміи представлено шесть выпусковъ его комментарія на ветхозавѣтныя книги. Эти выпуски содержатъ изъясненіе книгъ *Левитъ, Руоѣ, 3 и 4 Царствъ, 2 Паралипоменовъ, Товитъ и Притчей*. Общій характеръ названныхъ работъ такой. Каждый выпускъ начинается введеніемъ въ библейскую книгу, а затѣмъ слѣдуетъ истолкованіе ея. Вводные трактаты вообще отличаются краткостью. Обычно въ нихъ авторъ объясняетъ наименованіе книги, указываетъ особенности содержанія и разсматриваетъ вопросъ о времени и мѣстѣ происхожденія. Толкованіе библейскихъ книгъ ведется проф. А. А. Глаголевымъ по русскому синодаль-

ному тексту. Въ началѣ истолковываемой главы авторъ обыкновенно указываетъ въ краткихъ положеніяхъ общее содержаніе ея. Затѣмъ дается объясненіе главы въ порядкѣ стиховъ. О самомъ характерѣ комментарія о. Глаголева должно сказать слѣдующее. Авторъ имѣлъ дѣло съ библейскими книгами, содержаніе которыхъ относится къ области археологіи (кн. Левитъ) или исторіи (Руѣѣ, Товитъ, 3 и 4 Царствъ, 2 Пар.). Поэтому, естественно, въ его комментаріи преобладаетъ элементъ историко-археологическій. Много мѣста отводитъ также авторъ географическимъ даннымъ Библии, относясь къ нимъ всегда съ большимъ вниманіемъ. Кромѣ того, авторъ старается пояснять и всякое библейское выраженіе, которое можетъ быть непонятно для читателя, а иногда выраженія ясныя углубить и рельефнѣе выставить при помощи библейскихъ параллелей, отеческихъ изреченій или своихъ собственныхъ соображеній. Объясненія автора вообще кратки и выражены большею частью въ формѣ положительной: обычная въ библейскихъ комментаріяхъ полемика у о. Глаголева почти отсутствуетъ. Въ комментаріи на 2 Пар., въ виду того, что содержаніе ея имѣетъ для себя параллель въ истолкованной авторомъ 3 и 4 Цар., нерѣдко читатель отсылается къ пояснительнымъ примѣчаніямъ на эти послѣднія книги.

Въ основу комментарія о. Глаголева положенъ русскій синодальный текстъ. Но для уясненія библейскихъ словъ и выраженій авторъ пользуется также переводами арх. Макарія и проф. Гуляева, обращается къ подлиннику, къ LXX, къ Вульгатъ и къ другимъ текстамъ. Текстуальной критики въ комментаріи мало, хотя она не отсутствуетъ.

Авторъ, повидимому, не ставилъ своей задачей дать вмѣстѣ съ толкованіемъ и библиографію. Но онъ упоминаетъ о многихъ изъ своихъ пособій, и изъ этихъ упоминаній видно, что о. Глаголевъ при составленіи своего комментарія воспользовался всѣми лучшими работами русскими, каковы труды проф. А. А. Олесницкаго, Ѳ. Я. Покровскаго, И. Якимова,

П. А. Юнгера, Я. Богородского, а также и новѣйшими западными. Изъ отеческихъ толкованій на протяженіи всего комментарія авторъ пользуется толкованіемъ бл. Θεодорита. Въ отдѣльныхъ мѣстахъ онъ обращается и къ другимъ отцамъ и учителямъ Церкви.

Встрѣчающійся въ нѣкоторыхъ комментаріяхъ въ изобиліи назидательный элементъ въ разсматриваемыхъ нами работахъ о. Глаголева не выступаетъ замѣтно. Но все толкованіе ведется въ такомъ тонѣ, который можетъ возбуждать въ читателѣ именно чувство благоговѣнія предъ священными книгами Библіи.

Таковъ общій характеръ представленнаго проф. свящ. А. А. Глаголевымъ комментарія. Обращаясь теперь къ оцѣнкѣ этого труда, мы должны сказать слѣдующее.

Мысль объ изданіи Библіи съ толкованіями возникала у насъ неоднократно. Еще въ 1876 г., т. е. вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ русскаго перевода Библіи, Св. Синодомъ, въ виду „неудобопонятности для читателей неспеціалистовъ нѣ которыхъ словъ и выраженій, встрѣчающихся въ книгахъ Св. Писанія Ветхаго Завета“, поручено было Совѣтамъ духовныхъ академій составить такія объясненія, которыя „могли бы быть напечатаны, въ видѣ выписокъ, внизу страницъ русскаго перевода Библіи“. Совѣтами академій были выработаны правила для составленія указанныхъ примѣчаній, трудъ по составленію былъ распредѣленъ между преподавателями и затѣмъ составлены были и самыя примѣчанія. Но Толковой Библіи всетаки не вышло. Позже въ девяностыхъ годахъ возникла идея изданія Библіи для цѣлей миссіонерскихъ, съ примѣчаніями къ мѣстамъ, неправильно толкуемымъ штундистами и другими сектантами. Трудъ по составленію примѣчаній снова былъ возложенъ на академіи, примѣчанія были составлены (по крайней мѣрѣ, въ нашей академіи), а Толковой Библіи опять не вышло. На ряду съ неудавшимися попытками осуществить изданіе Толковой Библіи путемъ официальнымъ

были у насъ также не увѣнчавшіяся полнымъ успѣхомъ попытки изданія Толковой Библии лицами частными. Такъ, съ 1879 г. на страницахъ „Христіанскаго Чтенія“—стала печататься „Библіотеска толкованій на Ветхій Завѣтъ“. Въ составленіи ея приняли участіе проф. Якимовъ, Елеонскій, Троицкій, і Антоній и о. Вишняковъ. Дѣло, прекрасно начатое, не было доведено до конца: за 30 лѣтъ изданы были только комментаріи на кн. пророковъ Исаіи, Іереміи, Михея и на нѣсколько псалмовъ. Не былъ законченъ и комментарий, издававшійся Властовымъ подъ заглавіемъ „Свящ. Лѣтопись“. Между тѣмъ, нужда въ Толковой Библии у насъ ощущается настоятельная. Сознаніе этой нужды побудило покойнаго профессора Петерб. академіи А. П. Лопухина взяться за осуществленіе мысли о Толковой Библии. Самому инициатору проф. Лопухину не пришлось дожить до этого осуществленія: онъ скончался въ самомъ началѣ дѣла. Но, благодаря своей энергіи и исключительному организаторскому таланту, проф. Лопухинъ сумѣлъ такъ хорошо направить дѣло изданія Толковой Библии, что оно не остановилось съ его смертію и продолжается его преемниками. Большую половину Ветхаго Завѣта съ толкованіями мы уже имѣемъ, и надежды на окончаніе всего дѣла стоятъ, повидимому, твердо. Изданіе первой Толковой Библии будетъ у насъ фактомъ отраднымъ, и всякій, кому дороги интересы богословской науки и религіозно-нравственнаго просвѣщенія, не можетъ не быть признательнымъ почившему проф. А. П. Лопухину и его преемникамъ. Право на такую признательность заслужилъ и проф. А. А. Глаголевъ, являющійся самымъ ревностнымъ работникомъ въ дѣлѣ составленія Толковой Библии: кромѣ представленныхъ шести выпусковъ комментарія о. Глаголевымъ составлено еще толкованіе на кн. Бытія (съ XXVI-й главы) и на кн. Пѣснь Пѣсней.

Предпринимая изданіе Толковой Библии, проф. Лопухинъ назначалъ его для широкихъ круговъ,—для пастырей и для

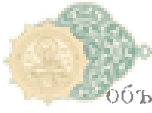

всѣхъ любителей слова Божія, т. е. имѣлъ въ виду цѣль *популяризаціи науки*. Съ этой точки зрѣнія, прежде всего, и должны быть разсматриваемы составляющія часть Толковой Библии комментаріи о. А. Глаголева.

Популяризація научныхъ выводовъ путемъ литературы, доступной широкимъ кругамъ, дѣло въ высшей степени важное. Путемъ популяризаціи научные выводы становятся достояніемъ массы. Вслѣдствіе этого повышается интеллектуальный уровень общества, а вмѣстѣ съ нимъ и уровень требованій отъ изслѣдованій собственно научныхъ. Популяризація научныхъ выводовъ, поэтому, должна идти рука объ руку съ разработкой науки. Въ области наукъ свѣтскихъ значеніе популярныхъ изданій хорошо у насъ сознано. Мы имѣемъ въ настоящее время весьма богатую популярную литературу по естествознанію, по наукамъ соціальнымъ, по отечественной и всеобщей исторіи. На западѣ, въ Германіи, Франціи и Англіи, въ послѣдніе годы появились въ изобиліи сочиненія популярнаго характера и по богословію (ср. Странникъ 1908, № 5 стр. 728—734). Важность такой литературы для богословія сознается и у насъ; по крайней мѣрѣ, желаніе создать такую литературу высказывалось въ періодической печати нашей неоднократно. Но для осуществленія этого желанія сдѣлано пока очень мало, и всякія добрыя начинанія въ этой области, поэтому, заслуживаютъ полнаго сочувствія и поддержки. Въ особенности же этого заслуживаетъ такое необходимое и полезное изданіе, какъ изданіе Толковой Библии.

Назначая свое изданіе для широкихъ круговъ, ни проф. А. П. Лопухинъ, ни проф. А. А. Глаголевъ нигдѣ не указываютъ, какія собственно требованія предъявляютъ они для изданій подобнаго рода. Едва ли и можно съ полной точностью установить эти требованія и сказать съ опредѣленностью, что пастырю или любителю слова Божія нужно дать въ толкованіи именно такой или иной матеріалъ. По крайней мѣрѣ, когда при попыткѣ изданія Толковой Библии въ 1876 г.

были составлены покойнымъ А. А. Олесьницкимъ руководственныя правила для составления примѣчаній, то Петербургской академіей, напр., они не были одобрены и замѣнены иными, а эти послѣднія тоже не всѣми были признаны достаточными (см. „Чтенія Общ. Любит. Дух. Просвѣщ.“, 1878). По нашему разумѣнію всякая хорошая популяризація должна имѣть свою задачу, во-первыхъ, возможно точное воспроизведеніе *научныхъ выводовъ* во-вторыхъ, правильныи *выборъ отъѣтственно нужнаго* читателю *матеріала* и, въ третьихъ, такое изложеніе этого матеріала, которое-бы въ наибольшей степени *удовлетворяло требованіямъ ясности и точности выраженія* при возможной *экономии въ словъ*. Популяризація, соотвѣтствующая указаннымъ требованіямъ, безъ сомнѣнія, есть дѣло весьма трудное, для надлежащаго исполненія котораго нужна большая опытность и продолжительная подготовка. Хорошая популяризація предполагаетъ въ авторѣ широкую освѣдомленность въ той или иной наукѣ, особенно развитое чувство мѣры, регулирующее выборъ матеріала, и особенную способность къ надлежащему выраженію своихъ мыслей. Рѣдкимъ сочетаніемъ этихъ качествъ въ одномъ лицѣ, мы думаемъ, и объясняется то, что у насъ дѣйствительно хорошихъ популярныиъ изданій очень немного. Къ числу этихъ немногихъ изданій съ полной справедливостію должно отнести и работы о. А. А. Глаголева, представленныя на соисканіе Макарьевской преміи. Комментарии о. Глаголева въ должной мѣрѣ удовлетворяютъ указаннымъ выше требованіямъ. Въ цѣломъ эти комментарии представляютъ точное изложеніе данныхъ новѣйшей православной экзегетической науки. За всѣми объясненіями автора, краткими и пространными, лежитъ глубокое знаніе библейскаго текста и обширная эрудиція въ области библіологической науки. Въ существѣ дѣла въ своихъ примѣчаніяхъ авторъ далъ почти цѣльный курсъ библейской археологіи, нѣсколько обширныхъ главъ изъ библейской исторіи и значительный матеріалъ по библейскому богословію. У автора преобладаютъ

объясненія хаіактера положительнаго: обычная въ западныхъ и нашихъ комментаріяхъ критика мнѣній почти отсутствуетъ. Но для свѣдущаго читателя вездѣ ясно, что критическая работа авторомъ продѣлана, и выраженное имъ кратко мнѣніе есть результатъ именно этой предварительной критической работы. Въ области библіологіи очень мало такихъ положеній, которыя бы принимались всѣми. Поэтому читатель не вездѣ можетъ согласиться съ принимаемыми проф. о. А. Глаголевымъ объясненіями. Но за то всякій читатель признаетъ, что въ разсматривасомъ нами комментаріи обыкновенно выбираются мнѣнія, имѣющія наибольшее количество защитниковъ и наиболѣе сильные аргументы въ свою пользу.

Въ выборѣ матеріала о. Глаголевъ вездѣ, можно сказать, соблюдаетъ должную мѣру: не вдаваясь въ излишнія подробности, на которыя щедры бываютъ многіе комментаторы, нашъ авторъ даетъ читателю почти всегда именно то, что помогаетъ уразумѣнію смысла библейскаго текста, ярче иллюстрируетъ этотъ текстъ и выясняетъ его особенное значеніе. Если проф. А. А. Глаголевъ иногда уклоняется съ указаннаго правильнаго пути въ выборѣ матеріала, то эти уклоненія обыкновенно состоятъ въ привлеченіи ученаго матеріала въ большемъ обиліи, чѣмъ какое требуется для обыкновеннаго любителя слова Божія. Привыкшій къ ученой работѣ авторъ иногда какъ бы забываетъ свою непосредственную цѣль — популяризациі и вдается въ экскурсы чисто научнаго характера, каковыхъ экскурсовъ не мало, напр., въ комментаріи на 3 и 4 Царствъ. Но противъ уклоненій подобнаго рода нѣтъ нужды особенно протестовать. Во всякомъ случаѣ, увеличеніе научнаго элемента въ нашей отечественной популярной литературѣ весьма желательно, и уклоненіе въ эту сторону болѣе цѣнно, чѣмъ замѣчаемая у иныхъ популяризаторовъ склонность къ длиннымъ рѣчамъ и фразамъ общаго характера.

Въ литературномъ отношеніи комментарій о. Глаголева отличается тѣми качествами, которыя желательны въ книгѣ,

разсчитанной на широкое распространіе. Рѣчь автора сжатая, но въ то же время правильная, простая и ясная.

Какихъ нибудь существенныхъ недостатковъ въ разсматриваемыхъ нами работахъ, если оцѣнивать ихъ съ точки зрѣнія поставленныхъ автору задачъ, нѣтъ. По поводу нѣкоторыхъ частныхъ, однако, по нашему мнѣнію, могутъ быть сдѣланы замѣчанія.

Такъ, по нашему мнѣнію, въ формальномъ отношеніи комментарію о. А. Глаголева не достаетъ той строгой выдержанности и единообразія въ пріемахъ, какія желательно видѣть въ изданіяхъ подобнаго рода. Напр., введеніе въ кн. Левить занимаетъ одну страницу и не отличается обиліемъ содержанія. Введенія въ кн. Руѣи или въ кн. Притчей имѣютъ уже другой характеръ. Авторъ, далѣе, привлекаетъ къ объясненію русскаго текста тексты сврейскій и греческій, перечисляя иногда и кодексы, въ которыхъ то или иное чтеніе содержится. Такой пріемъ толкованія, конечно, вполне законенъ и необходимъ, но у автора онъ не проводится съ строгою послѣдовательностью. Не выдержана строгая послѣдовательность и въ библиографическихъ указаніяхъ автора: въ однихъ случаяхъ онъ считаетъ необходимымъ эти указанія дѣлать, въ другихъ нѣтъ.

Слѣдующее возраженіе вызываетъ излишняя краткость комментарія о. Глаголева въ нѣкоторыхъ отдѣльныхъ пунктахъ. Авторъ, конечно, обязанъ былъ стремиться къ краткости. Но иногда онъ становится настолько краткимъ, что не даетъ *точного* представленія о положеніи даннаго пункта въ наукѣ или же недостаточно проясняетъ для читателя темное выраженіе библейскаго текста. Такъ, ни по введенію въ кн. Левить, ни по примѣчаніямъ къ книгѣ читатель не составитъ болѣе или менѣе отчетливаго представленія о той научной работѣ, которая на Западѣ произведена надъ кн. Левить, и съ резуль-

Журпалы.

татами которой нельзя не считаться. Введеніе въ 3 и 4 Царствъ опять, по нашему мнѣнію, поставлено уже, чѣмъ бы слѣдовало поставить. Въ комментаріи на кн. Притчей иногда авторъ ограничивается такими краткими примѣчаніями, которыя едва ли могутъ удовлетворить читателя. Напр., для темнаго выраженія Притч. 13, 24: *много хлѣба бываетъ и на нивѣ бѣдныхъ, но нѣкоторые гибнутъ отъ безпорядка*, кажется, едва ли достаточно ограничиться примѣчаніемъ: „о жизненномъ довольствѣ праведника и недостаткахъ грѣшника“ (кн. Притчей, стр. 56—57). Въ болѣе подробномъ разясненіи также нуждаются загадочныя изреченія гл. 30-й кн. Притч. и нѣкоторыя другія.

Какъ отмѣчено выше, въ комментаріи о. Глаголева весьма много элемента историко-географическаго. Говоря вообще, авторъ съ большимъ вниманіемъ относится къ цифровымъ даннымъ, а также къ хронологическимъ и географическимъ датамъ. Съ пріемами опытнаго изслѣдователя онъ примиряетъ находимыя въ этихъ датахъ противорѣчія и хорошо разясняетъ разнаго рода недоумѣнія. Но нѣкоторые пробѣлы можно найти у автора и въ этомъ пунктѣ. Напр., въ нѣсколькихъ мѣстахъ своего комментарія проф. А. А. Глаголевъ опредѣляетъ цѣнность библейскаго таланта, что важно для лучшаго пониманія соотвѣтствующихъ библейскихъ мѣстъ. Опредѣленія автора, однако, не согласованы. Въ комментаріи на 4 Цар. 18, 14—16, талантъ приравнивается 1500 р., въ примѣчаніи къ Тов. 4, 1—2300 р. Въ комментаріи на 3 Цар. 16, 24 читаемъ: „2 таланта серебра на наши деньги составляютъ свыше 4000 рублей“. Въ комментаріи на 4 Цар. 15, 14—24 дань Менаима ассирійскому царю, опредѣляемую въ Библии въ 1000 талантовъ серебра, авторъ считаетъ равною полумилліону рублей, т. е. считаетъ талантъ уже въ 500 р. Нѣсколько ниже ту же дань авторъ опредѣляетъ суммой въ 3 милл. сиклей или, такъ какъ сикль, по автору, равнялся 80—86 к., приравниваетъ прибли-

зительно 21½ милл. рублей, т. е., опредѣляетъ цѣнность ея иначе, чѣмъ выше

Въ экзегетикѣ считается весьма важнымъ установленіе изъ времени Езекии хронологическихъ датъ нашествія Сennaхерима, болѣзни Езекии и посольства къ нему отъ Вавилонскаго царя, такъ какъ съ этими датами связанъ вопросъ о происхожденіи библейскихъ повѣствованій объ указанныхъ событіяхъ и ихъ достовѣрности. Автору, конечно, значеніе этихъ датъ хорошо извѣстно и онъ разъясняетъ ихъ. Но его разъясненія менѣе тщательны, чѣмъ бы это слѣдовало. Недоумѣнной хронологической даты 4 Цар. 18, 13 („въ чегырнадцатый годъ царя Езекии пошелъ Сennaхеримъ, царь ассирійскій, противъ всѣхъ укрѣпленныхъ городовъ Іуды и взялъ ихъ“) авторъ не касается. На стр. 544 (3 и 4 кн. Царствъ) походъ Сennaхерима и болѣзнь Езекии авторъ считаетъ, по видимому, событіями современными („въ виду показанія XX, 6, что Езекиа послѣ похода Сennaхерима и современной ему болѣзни Езекиа“). На стр. 553 авторъ склоняется уже къ мнѣнію, что болѣзнь Езекии была послѣ похода Сennaхерима. Подобно этому, въ комментаріи на 2 Цар. (стр. 91) для правленія Ассаргадона указываются годы 689—661, а въ комментаріи на 3 и 4 Цар. (стр. 539 и 561) 681—669.

Географическія поясненія автора стоили ему, несомнѣнно, не малаго труда и составлены имъ по надежнымъ пособіямъ. Въ этомъ можно убѣдиться, сравнивъ примѣчанія автора съ новѣйшимъ сочиненіемъ по географіи 3 и 4 Цар., именно съ сочиненіемъ Döllera (*Geographische und Ethnographische Studien III und IV Bücher der Könige*. Wien, 1904), котораго у автора не было подъ руками. Пробѣлы, которые можно указать въ данномъ пунктѣ разсматриваемаго нами комментарія о. Глаголева, заключаются иногда въ неполнотѣ свѣдѣній, иногда въ несовершенной точности. Напр., объ упоминаемыхъ въ 3 Цар. 7, 46 городахъ Сокхоѣ и Цартанѣ не сдѣлано въ

коментаріи никаких замѣчаній; положеніе мѣстности Киръ, упоминаемой въ 4 Цар. 16, 12, опредѣляется въ коментаріи по проф. Гуляеву и не совсѣмъ точно.

Нѣкоторыя неточности можно указать и въ другихъ мѣстахъ разсматриваемаго коментарія. На стр. 208 толкованія на Руѡ авторъ пишетъ: „Эта историческая черта книги—связь съ генеалогіей Давида была причиною внесенія книги въ ветхозавѣтный канонъ“. Такое заявленіе проф. Глаголева въ виду неизвѣстности намъ мотивовъ канонизаціи, представляется слишкомъ рѣшительнымъ, тѣмъ болѣе, что ниже на стр. 224 самъ же авторъ указываетъ и другую черту въ кн. Руѡ, сообщившую ей „великую важность“.—На стр. 211—212, опредѣляя время совершенія событій, описанныхъ въ кн. Руѡ, о. Глаголевъ говоритъ: „Въ дѣйствительности единственною точкою опоры для установленія времени описываемыхъ въ кн. Руѡ событій можетъ быть только родословіе Давида, приведенное здѣсь (Руѡ, IV, 17—22): по нему Давидъ былъ правнукъ Вооза и Руѡи черезъ Овида и Іессея, слѣдовательно, періодъ времени, протекшій отъ событій кн. Руѡ, равенъ приблизительно сто слишкомъ лѣтъ“. На стр. 224 авторъ, повидимому, ослабляетъ значеніе своихъ соображеній, такъ-какъ здѣсь о родословіи Давида онъ дѣлаетъ замѣчаніе: „въ родословіи этомъ возможно предположить пропуски отдѣльныхъ именъ и поколѣній: трудно допустить, чтобы на протяженіи почти тысячелѣтія отъ Фареса до Давида смѣнились лишь 9—10 поколѣній“.

Въ толкованіи на Притч. 31, 1 объ имени *Лемуила* дѣлается замѣчаніе: „въ новое время обычно видятъ въ немъ собственное имя царя области Масса въ Идумѣ“ (Быт. XXV, 14). Но во введеніи къ кн. Притчей (стр. 10) объ имени Лемуила читатель находитъ иное сообщеніе, именно: „въ этомъ имени обычно видятъ символическое имя или Соломона (бл. Іеронимъ) или Езекии“ (Абенъ Езра, проф. Олесницкій).

Коментарій снабженъ рисунками, выборъ которыхъ, конечно, принадлежитъ не автору, а издателю. Нельзя, однако,

не пожалѣть о томъ, что авторъ не приложилъ къ своему комментарію на 3 и 4 Цар. карты Палестины, плана Іерусалима и чертежа Соломонова храма. Эти рисунки, прилагаемые обыкновенно къ западнымъ комментаріямъ, помогали-бы болѣе отчетливому усвоенію читателемъ библейскаго текста и разъясненій комментатора.

Дѣлая указанная замѣчанія о недочетахъ труда проф. А. А. Глаголева, мы не придаемъ имъ значенія существеннаго. При той массѣ историческаго, археологическаго и филологическаго матеріала, который долженъ былъ привлечь авторъ въ своемъ комментаріи, мелкіе недосмотры вполне понятны и извинительны. Въ цѣломъ же комментарій о. А. А. Глаголева, безъ сомнѣнія, трудъ почтенный, являющійся дѣйствительно цѣннымъ пріобрѣтеніемъ для нашей богословской литературы. Пастыри и любители слова Божія, для которыхъ комментарій прежде всего предназначается, могутъ пользоваться имъ съ полнымъ довѣріемъ, какъ руководствомъ вполне надежнымъ, опирающимся на точныя научныя данныя и православно-церковную традицію, проникнутымъ чувствомъ благоговѣнія къ Библии и могущимъ вызывать это чувство въ читателѣ. Но и для лицъ, занимающихся собственно научнымъ изслѣдованіемъ Библии, толкованія, составленныя проф. о. А. Глаголевымъ, принесутъ не малую пользу: въ этихъ толкованіяхъ изучающій Библию почерпнетъ и точныя фактическія справки и цѣнныя соображенія самого автора, давно уже занимающагося изслѣдованіемъ Ветхаго Завѣта.

Во вниманіе къ указаннымъ выше достоинствамъ представленныхъ проф. А. А. Глаголевымъ толкованій и къ той массѣ труда, которая затрачена авторомъ, я считаю вполне справедливымъ присужденіе ему большой Макарьевской преміи“.

Справка: 1. По 2 § положенія о первой юбилейной преміи митрополита Московскаго Макарія, изъ суммы годовыхъ процентовъ съ преміальнаго капитала опредѣляется ежегодная

большая премія въ 800 рублей, которая можетъ быть раздѣлена на двѣ меньшія преміи, въ 400 рублей каждая.

2. По 20 § того же положенія, за рассмотрѣніе представленныхъ на соисканіе преміи сочинсній, рецензенты вознаграждаются, по усмотрѣнію Совѣта академіи, изъ годовичныхъ процентовъ на преміальный капиталъ.

3. По смѣтѣ текущаго года сумма годовыхъ процентовъ съ означеннаго преміальнаго капитала опредѣлена въ количествѣ 1041 р. 55 коп.

4. § 81 лит. б п. 12 уст. дух. акад. и указъ Св. Синода отъ 22 февраля 1906 г. за № 2234.

Постановили: Сочиненія экстраординарнаго профессора священника А. Глаголева „Комментарій на книги Левитъ, Руѣъ, 3 и 4 Царствъ, 2 Паралипоменонъ, Товита, Притчей“ удостоить большой юбилейной имени митрополита Макарія преміи въ 800 рублей, профессору же В. Рыбинскому за рецензированіе означенныхъ сочиненій присудить вознагражденіе въ 241 р. 55 к., о чемъ сообщить Правленію академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи преміи и вознагражденія по принадлежности.

II. Донесеніе комиссіи изъ профессоровъ Н. Маккавейскаго, Ѳ. Мищенко и доцента В. Попова, отъ 9 текущаго сентября: „Долгъ имѣемъ донести Совѣту академіи, что по порученію его, комиссія разсматривала ученые труды г.г. наставниковъ и воспитанниковъ академіи, помѣщенные въ академическихъ изданіяхъ за 1907 годъ, и признала заслуживающими премій:

1) Труды профессора Н. И. Петрова—двойной преміи,—въ 250 р. каждая,—учрежденной для наставниковъ академіи по предсмертному завѣщанію Макарія, митрополита Московскаго.

2) Труды профессора В. З. Завитневича—той же преміи въ 250 руб.

3) Статьи профессоръ Н. М. Дроздова, В. И. Экземплярскаго—второй юбилейной преміи Московскаго митрополита Макарія, по 200 р.

4) Работы профессора Д. И. Богдашевскаго—преміи преосвященнаго Михаила, епископа Курскаго.

5) Статьи профессора А. А. Дмитріевскаго—преміи преосвященнаго Сильвестра, епископа Каневскаго.

6) Изслѣдованія М. Э. Поснова—преміи митрополита Московскаго Макарія для воспитанниковъ академіи, въ 100 р.

7) Статьи бывшаго воспитанника академіи Д. В. Знаменскаго той же преміи въ 100 рублей.

1) Согласно постановленію Совѣта академіи отъ 10-го февраля 1905 года, комиссія прежде всего остановилась на трудахъ наставниковъ академіи по подготовкѣ изданія исторіи ея къ предстоящему трехсотлѣтнему юбилею академіи. Въ истекшемъ году неутомимымъ труженикомъ профессоромъ Н. И. Петровымъ изданъ IV томъ „Актвъ и документовъ, относящихся къ исторіи Кіевской Академіи“, за время митрополита Гавріила Кременецкаго (1770—1783 гг.). Томъ снабженъ историческимъ введеніемъ, учеными примѣчаніями и алфавитнымъ указателемъ. Во введеніи, въ широкой исторической перспективѣ, въ связи съ общимъ состояніемъ Малороссіи и юго западной церкви, освѣщается состояніе Кіевской духовной академіи въ эпоху, обнимаемую документами, вошедшими въ томъ. Примѣчанія разрастаются иногда до степени цѣлыхъ ученыхъ изслѣдованій (напр., стр. 38—44; 73—76; 300—314); документы излагаются не просто въ хронологическомъ, но и систематическомъ порядкѣ. Кромѣ этого отдѣльнаго изданія, профессоромъ Н. И. Петровымъ помѣщены въ академическомъ журналѣ статьи: „Автобіографическія записки преосвященнаго Иринѣя Фальковскаго“ (іюль) и „О внѣшнемъ видѣ св. І. Златоустаго“ (декабрь). Говорить о высокомъ научномъ достоинствѣ изслѣдованій и совершенствѣ издательскихъ примѣровъ маститаго историка-архивиста,

стяжавшаго себѣ широкую извѣстность въ ученѣмъ мірѣ,— комиссія находитъ излишнимъ. Комиссія только считаетъ своимъ долгомъ обратить вниманіе на то, что почтенный профессоръ неутомимо трудится надъ дѣломъ, столь дорогимъ всему Совѣту академій: изъ года въ годъ онъ полагаетъ капитальные камни для сооруженія достойнаго монумента къ предстоящему—и недалекому уже — дню чествованія нашей *Almae matris*. Посему комиссія полагала бы вознаградить труды профессора Н. И. Петрова двойною Макарьевской преміей, установленной по предсмертному завѣщанію.

2) В. З. Завитневичъ помѣстилъ въ академическомъ журналѣ рядъ статей, частью ученаго, частью публицистическаго характера. На первомъ мѣстѣ между ними нужно поставить актовую рѣчь профессора подъ заглавіемъ: „Сперанскій и Карамзинъ, какъ представители двухъ политическихъ теченій въ царствованіе Императора Александра I“ (ноябрь). Во всеоружіи научно историческихъ данныхъ авторъ проводитъ здѣсь яркую параллель между тѣми двумя политическими теченіями, выразителями которыхъ въ свое время явились М. М. Сперанскій и Н. М. Карамзинъ. Послѣ обозрѣнія относящихся сюда источниковъ и систематизаціи вытекающихъ изъ нихъ выводовъ, подъ мастерскимъ перомъ автора выступаетъ живая историческая картина, въ основныхъ чертахъ своихъ не утратившая жизненнаго значенія и для нашихъ дней. Но съ особымъ интересомъ читается другая статья того же автора: „Что слѣдуетъ понимать подъ такъ называемымъ „разрывомъ“ русскаго интеллигентнаго общества съ народомъ“ (іюль). Въ широкой исторической перспективѣ авторъ обозрѣваетъ причины, породившія печальный фактъ этого разрыва, уясняетъ смыслъ и характеръ его, тягостныя слѣдствія его для обѣихъ сторонъ—народа и интеллигенціи—и намѣчаетъ путь для восстановленія утраченной связи между ними. Наконецъ, В. З. Завитневичу принадлежатъ еще двѣ статьи: „О молитвѣ. Изъ системы философско-богословскихъ воззрѣній А. С. Хомя-

кова“ (январь) и „Духовенство и партійность въ политикѣ“ (тамъ-же). Первая имѣетъ специальный характеръ, вторая представляетъ самый живой интересъ по затронутому въ ней вопросу объ отношеніи нашего духовенства къ политической жизни страны. Широко-идейная постановка разсматриваемыхъ вопросовъ, историческій методъ рѣшенія ихъ, горячая вѣра въ могучія силы и высокое призваніе русскаго народа, особая свѣтлая бодрость настроенія, въ связи съ мастерскимъ изложеніемъ,— всѣ эти характерныя черты литературнаго творчества В. З. Завитинсевича сообщаютъ всѣмъ статьямъ его особый интересъ.

3) Подъ живымъ впечатлѣніемъ тяжелой утраты, постигшей науку, образованное общество и, въ частности, нашу Киевскую академію въ лицѣ умершаго 13 февраля 1907 года В. И. Модестова, профессоръ Н. М. Дроздовъ помѣстилъ въ „Трудахъ“ академіи (іюнь) обстоятельный очеркъ, посвященный жизни и учено-литературной дѣятельности покойнаго, подъ заглавіемъ: „Памяти профессора В. И. Модестова“. Прослѣдивъ главнѣйшіе моменты въ жизни В. И. Модестова, по преимуществу касающіеся подготовки его къ профессорской и ученой дѣятельности и этой послѣдней, авторъ даетъ интересную и весьма цѣнную характеристику покойнаго, какъ человѣка, профессора, ученаго и публициста. Въ обстоятельной характеристикѣ этой особеннаго вниманія заслуживаютъ тѣ черты, которыя касаются профессорской дѣятельности В. И. Модестова въ Киевской академіи: программъ академическихъ курсовъ его, метода и пріемовъ преподаванія, отношенія къ студентамъ и пр. Всѣ эти интересныя подробности составляютъ результатъ личныхъ впечатлѣній и воспоминаній автора, какъ непосредственнаго ученика В. И. Модестова, находившагося подъ его личнымъ руководствомъ и смѣнившего его на академической кафедрѣ. Равнымъ образомъ, личные качества покойнаго, нравственный обликъ его, характеръ убѣжденій и пр. могли быть такъ живо очрѣнены только человѣкомъ близкимъ къ В. И. Модестову, находившимся до послѣднихъ дней въ об-

щеніи съ нимъ. Наконецъ, обширная ученая и публицистическая дѣятельность высоко-даровитаго профессора, неутомимаго труженика въ области излюбленной специальности, также подвергнута здѣсь обстоятельному обозрѣнію и тщательной оцѣнкѣ. Вообще, въ интересномъ очеркѣ Н. М. Дроздова наша академія отдала должную дань признательной памяти одному изъ выдающихся своихъ профессоровъ.

4) В. И. Экземплярскому принадлежитъ статья: „Нѣсколько мыслей по поводу защиты смертной казни въ русской богословской литературѣ послѣдняго времени“ (мартъ). Авторъ считаетъ вопросъ о смертной казни вопросомъ совѣсти каждаго человѣка, живущаго сознательною жизнью, и потому однимъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ христіанской этики. Какъ таковой, онъ долженъ и рѣшаться именно съ нравственно-христіанской точки зрѣнія. Не ставя своею задачею соотвѣтствующаго принципіальнаго рѣшенія вопроса во всей его широтѣ, авторъ ограничивается лишь критическимъ обозрѣніемъ той части современной богословской литературы нашей, которая направлена къ защитѣ смертной казни. Для этого, раздѣливъ всѣ приводимыя доказательства въ пользу смертной казни на три группы, онъ подвергаетъ обстоятельному критическому анализу каждую изъ нихъ. Въ результатѣ получается съ логическою необходимостью тотъ выводъ, что въ пользу смертной казни съ нравственно-христіанской точки зрѣнія богословская литература наша не представила еще такихъ доводовъ, съ которыми нужно было бы согласиться. Полная современнаго живого интереса критическая статья тонкаго спеціалиста въ затронутой области, проникая въ самую глубину столь важнаго принципіальнаго вопроса, невольно вмѣстѣ съ тѣмъ будить въ душѣ читателя цѣлый рядъ другихъ, непосредственно связанныхъ съ нимъ, вопросовъ жизненно-практическаго характера.

5) Профессоръ Д. И. Богдашевскій въ 1907 г. помѣстилъ въ „Трудахъ“ академіи рядъ ученыхъ статей и замѣтокъ,

являясь однимъ изъ самыхъ дѣятельныхъ сотрудниковъ журнала. Первая изъ этихъ статей—„Первое посланіе св. ап. Павла къ Коринѳянамъ“ (мартъ)—представляетъ выдающееся въ нашей исагогической литературѣ явленіе по тому искусству, съ какимъ автору удалось сочетать въ ней огромную эрудицію съ простотой, изяществомъ, ясностью и общедоступной увлекательностью изложенія. Статья окажется незамѣнимымъ пособіемъ для студентовъ академіи при прохожденіи курса Св. Писанія. Такимъ же характеромъ отличаются двѣ статьи о посланіи ап. Іакова, помѣщенные въ октябрьской и ноябрьской книжкахъ „Трудовъ“. Болѣе спеціальныя характеръ носятъ „Экзегетическія замѣтки“ (іюль), посвященныя выясненію труднѣйшихъ, а иногда интереснѣйшихъ мѣстъ Св. Писанія, напр., о клятвѣ, объ искушеніи Господа въ пустынѣ, или Гал. 2, 5; 4, 25. Библиографическіе отзывы (въ сентябрьской книжкѣ) о переводахъ: Г. С. Чемберлена „Явленіе Христа“, І. Сендерленда „Св. книги Ветхаго и Новаго Завета“; Э. Ренана „Жизнь Іисуса“; Гарнака „Сущность христіанства“, и объ оригинальномъ произведеніи Н. Морозова „Откровеніе въ грозѣ и бурѣ“—являются живымъ ученымъ откликомъ на послѣднія новинки русской богословской литературы.

6) Профессоръ А. А. Дмитріевскій напечаталъ въ майской книжкѣ журнала рѣчь, произнесенную въ годичномъ засѣданіи Кіевскаго отдѣла Императорскаго Православнаго Палестинскаго Общества: „Русскія учебно-воспитательныя, благотворительныя и странно-пріимныя учрежденія въ Палестинѣ и Сиріи“. Авторъ поставилъ своей задачей изобразить, „какъ создалось Императорское Православное Палестинское Общество“, и какіе имѣются на лицо осязательные результаты дѣятельности Общества за истекшую четверть столѣтія его существованія. Въ талантливомъ изображеніи ученаго автора передъ глазами читателя проходитъ живая картина дѣятельности „Духовной миссіи“, „Палестинскаго Комитета“, „Палестинской

Комиссії“—учрежденій, предварявшихъ основаніе „Палестинскаго Общества“. Во всеоружіи точныхъ статистическихъ данныхъ авторъ рисуєть затѣмъ полезную пресвѣтительную и благотворительную дѣятельность Православнаго Палестинскаго Общества. Обильныя фактическія данныя, живость изображенія, одушевленный тонъ поставляютъ названную рѣчь профессора на видное мѣсто.

7) Помощникъ инспектора академіи М. Э. Посновъ напечаталъ въ „Трудахъ“ статью „О судьбахъ библейскаго израиля“. Въ названной работѣ г. Посновъ подвергаетъ тщательному анализу IX—XI гл. посланія къ Римлянамъ и приходитъ къ тому выводу, что воля Божія, какъ вообще, такъ и въ отношеніи къ избранному израильскому народу, оправдывается въ своихъ дѣйствіяхъ, въ своихъ мотивахъ въ своихъ послѣдствіяхъ. Авторъ достаточно полно ориентировался въ затронутомъ вопросѣ и обнаружилъ достойную похвалы трудоспособность и любовь къ богословскимъ изысканіямъ.

8) Бывшій питомецъ нашей академіи Д. В. Знаменскій помѣстилъ на страницахъ академическаго журнала весьма цѣнные очерки подъ заглавіемъ: „Изъ элюдовъ о Кантѣ“. Въ своихъ этюдахъ г. Знаменскій затрагиваетъ кардинальный пунктъ философіи Канта, направленной на разрѣшеніе гносеологической проблемы. Читатель находитъ для себя богатый матеріалъ, въ частности, по вопросамъ о времени (мартъ) и отношеніи Канта къ метафизикѣ (августъ, сентябрь). Въ первомъ случаѣ авторъ обстоятельно излагаетъ литературный споръ между профессорами Введенскимъ и Каринскимъ и, склоняясь на сторону послѣдняго, аргументируетъ основательно свое мнѣніе выдержками изъ Канта. Въ вопросѣ объ отношеніи Канта къ метафизикѣ г. Знаменскій, по подробномъ изложеніи взгляда Паульсена на этотъ предметъ, подвергаетъ воззрѣніе названнаго ученаго критикѣ. Авторъ не соглашается съ Паульсеномъ во мнѣніи, что Кантъ защищалъ метафизику, при чемъ метафизику понималъ въ эволюціонномъ смыслѣ,

при условіи отрицанія признанія вѣчныхъ истинъ. Авторъ думаетъ, что „Кантъ, хотя и не былъ защитникомъ метафизики, однако, все-таки былъ далекъ отъ созершеннаго отрицанія, подобно современнымъ эволюціонистамъ, вѣчныхъ и непреложныхъ истинъ, слѣд., отъ отрицанія разума, что, впрочемъ, признается Паульсеномъ, но только разсматривается имъ въ качествѣ уступки господствовавшему въ то время догматизму“ (сент., 65). Тщательность и тонкость анализа и объективность тона даютъ полную возможность въ авторѣ этюдовъ видѣть незауряднаго знатока философіи Канта, а въ самихъ этюдахъ—хорошій комментарий къ нѣкоторымъ вопросамъ міровоззрѣнія Канта“.

Справка: 1. По § 2 положенія о посмертныхъ преміяхъ митрополита Московскаго Макарія, изъ процентовъ съ пожертвованнаго на этотъ предметъ капитала назначается ежегодно пять премій за сочиненія наставниковъ академіи, по 250 руб. каждая, и три преміи для воспитанниковъ академіи, по 100 р. каждая.

2. По 2 и 3 §§ положенія о второй юбилейной преміи имени митрополита Московскаго Макарія, изъ процентовъ съ капитала въ 22300 руб. назначаются четыре преміи для наставниковъ академіи, по 200 р. каждая, за ихъ наиболѣе выдающіяся по своему достоинству статьи, помѣщаемыя въ академическомъ журналѣ.

3) По 3 § положенія о премии епископа Курскаго Михаила и 4 § положенія о преміи епископа Каневскаго Сильвестра, размѣръ ежегодныхъ имени епископовъ Михаила и Сильвестра премій опредѣляется количествомъ получаемыхъ съ того и другого преміальнаго капитала процентовъ.

4. По смѣтѣ 1908 года ассигновано на выдачу премій епископа Михаила 277 р. 40 к., а на выдачу преміи епископа Сильвестра 117 р. 80 к.

5. § 81 лит. б п. 12 уст. дух. акад. и указъ Св. Синода отъ 22 февраля 1906 года за № 2234.

Постановили: Согласно съ донесеніемъ комиссіи, удостоить ученыя рабсты профессоровъ Н. Петрова и В. Завитневича премій имени митрополита Московскаго Макарія, по положенію о посмертныхъ имени его преміяхъ, по 250 руб., назначивъ профессору Н. Петрову премію въ двойномъ размѣрѣ, 500 р., профессору В. Завитневичу 250 р.; статьи профессоровъ Н. Дроздова и В. Экземплярскаго премій имени митрополита Макарія по положенію о второй юбилейной преміи его имени, по 200 р., статьи профессора Д. Богдашевскаго—преміи епископа Курскаго Михаила въ 277 р. 40 к., статьи бывшаго профессора А. Дмитріевскаго—преміи епископа Каневскаго Сильвестра въ 117 р. 80 к., статьи помощника инспектора академіи М. Поснова и преподавателя Шамовской церковно-учительской школы Д. Знаменскаго студенческихъ Макарьевскихъ премій, по 100 р. Настоящее постановленіе сообщить Правленію академіи для зависящихъ распоряженій касательно выдачи премій по принадлежности.

III. Отзывъ и. д. доцента Н. Пузанова о рукописномъ сочиненіи студента IV курса *Виктора Вознесенскаго* на тему: „Идея личности въ міросозерцаніи Н. К. Михайловскаго. (Опытъ уясненія и критики этого міросозерцанія съ точки зрѣнія христіанскаго ученія о личности)“, представленномъ для полученія степени кандидата богословія.

„Сочиненіе г. Вознесенскаго состоитъ изъ предисловія и трехъ главъ. Въ предисловіи авторъ отмѣчаетъ практическій, жизненный характеръ русской философской мысли, которая находила свое выраженіе въ произведеніяхъ представителей художественной литературы и публицистики; такимъ философъ-публицистомъ и былъ Н. К. Михайловскій, уяснить міросозерцаніе котораго авторъ и поставляетъ своею задачею. Въ первой главѣ (1—170 стр.) авторъ характеризуетъ ту духовную атмосферу, въ какой слагались взгляды Н. К. Михайловскаго, и уясняетъ тѣ умственные теченія, влияніе которыхъ

сказалось на его міросозерцаніи. Здѣсь указывается отношеніе Н. К. Михайловскаго къ Герцену, Чернышевскому, Писареву. Спенсеру, О. Конту и др. вліяніямъ. Вторая глава (171—380 стр.) посвящена ученію о личности въ міросозерцаніи Н. К. Михайловскаго; эта глава раздѣляется на три отдѣла: въ первомъ отдѣлѣ авторъ даетъ общую характеристику міросозерцанія Н. К. Михайловскаго о личности; второй отдѣлъ посвященъ „правдѣ—истинѣ“ въ ученіи Н. К. Михайловскаго о личности; третій—„правдѣ—справедливости“. Третью главу, критическую, (381—494 стр.) авторъ озаглавливаетъ такъ: „Десница и шуйца въ міровоззрѣніи Н. К. Михайловскаго“. Подъ „десницей“ въ ученіи Н. К. Михайловскаго авторъ разумѣетъ его „правду—справедливость“, т. е., высокое ученіе о личности, по которому личность всегда является самоцѣлью и никогда—средствомъ; подъ „шуйцей“—„правду—истину“, т. е. теоретическое обоснованіе высокаго ученія о личности на данныхъ біологіи. Въ той сторонѣ міросозерцанія Н. К. Михайловскаго, которую авторъ называетъ „десницею“, онъ видитъ большую его заслугу; а его слабую сторону, „шуйцу“, считаетъ данью времени.

Авторъ основательно изучилъ сочиненія Н. К. Михайловскаго, а также и тѣ ученія, вліяніе которыхъ на Михайловскаго онъ указываетъ. Міросозерцаніе Н. К. Михайловскаго въ сочиненіи г. Вознесенскаго изложено правильно, полно и ясно. Въ критической главѣ авторъ правильно указываетъ на то, что высокое ученіе о личности, по которому личность всегда является самоцѣлью, не можетъ быть основано на данныхъ біологіи. Авторъ старается—и съ успѣхомъ—дать философскую критику ученія Н. К. Михайловскаго о личности, но онъ, очевидно, имѣетъ въ виду при критикѣ и христіанское ученіе о личности, хотя этого ученія и не излагаетъ.

Что касается внѣшней стороны сочиненія, то нельзя не отмѣтить нѣкоторой склонности автора къ многословію и повтореніямъ. Языкъ сочиненія—литературный, хотя иногда встрѣчаются неудачныя выраженія.

Степени кандидата богословія, по моему мнѣнію, авторъ вполне заслуживаетъ“.

Справка: 1. Постановленіемъ Совѣта отъ 30 мая сего года поименованному студенту подача курсоваго сочиненія, согласно его прошенію, была отсрочена до 16 минувшаго августа.

2. Подлежащій выпуску изъ академіи студентъ В. Вознесенскій по устнымъ отвѣтамъ изъ каждой науки академическаго курса имѣетъ въ среднемъ выводѣ баллы 5 и 4.

3. §§ 135 и 139 уст. дух. акад., указъ Св. Синода отъ 27 января 1906 г. за № 938; циркулярный указъ Св. Синода отъ 8 апрѣля 1904 г. за № 3.

Постановили: Сочиненіе студента Виктора Вознесенскаго, на основаніи заслушаннаго о немъ отзыва, признать удовлетворительнымъ для степени кандидата богословія и какъ за это сочиненіе, такъ и за оказанные имъ въ предметахъ академическаго курса усилѣи, удостоить его означенной степени, съ предоставленіемъ ему права полученія магистерской степени безъ новаго устнаго испытанія, чрезъ представленіе соответствующаго сей степени сочиненія и защищенія его на коллоквиумѣ. Документы В. Вознесенскаго препроводить въ Учебный Комитетъ при Св. Синодѣ и сообщить Комитету, что В. Вознесенскій рекомендуется къ занятію преподавательскихъ кафедръ въ духовныхъ семинаріяхъ и училищахъ по всѣмъ предметамъ, кромѣ нсизучавшихся имъ групповыхъ предметовъ.

IV. Отзывы о сочиненіи преподавателя Владимірской духовной семинаріи кандидата богословія *Александра Рождественскаго* подъ заглавіемъ: „Символическія и богослужебныя книги англиканской церкви, какъ выраженіе ея вѣросознанія“ (Кіевъ, 1908), представленномъ на соисканіе степени магистра богословія.